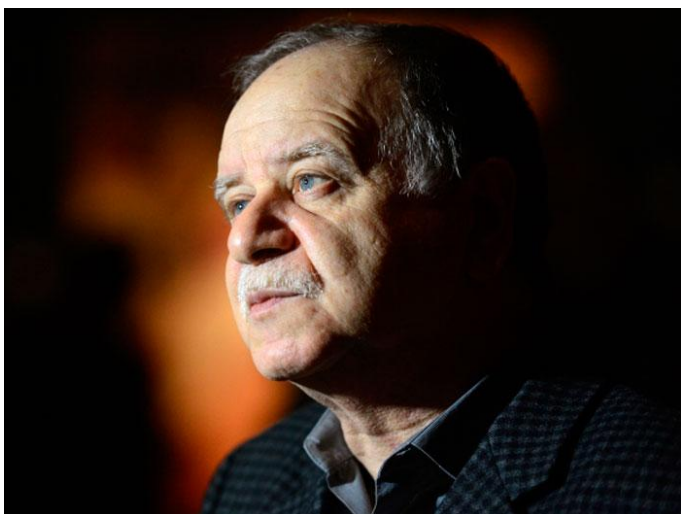

Даниил Дондурей: «Совет – единственная структура, которая может быть не согласна с линией президента»

Даниил Борисович Дондурей (родился в 1947 году в Ульяновске, умер 10 мая 2017 года) – российский культуролог, социолог и кинокритик. Окончил Пензенское художественное училище имени К.А. Савицкого, факультет теории и истории искусства Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина и аспирантуру Института социологии Академии наук СССР по специальности «Социология искусства». Кандидат философских наук.

С 1993 года – главный редактор журнала «Искусство кино». С 2001 по 2012 год – член коллегии Министерства культуры. Член Союза художников СССР (1979), Союза театральных деятелей СССР (1982), Союза кинематографистов СССР (1988). Долгое время занимался наукой – работал в Институте истории искусств, в НИИ культуры РСФСР, и в Институте киноискусства, составляя и публиковал сборники по истории и теории визуальных искусств. В 1986 году организовал сенсационную XVII Московскую молодежную выставку, впервые легализовавшую «неофициальное» искусство.

Печатался в различных изданиях, регулярно выступал на радио и телевидении. Член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека с 1 февраля 2011 года. Председатель Постоянной комиссии по культурным правам, образованию и науке, входил в состав постоянных комиссий по свободе информации и правам журналистов, по гражданскому участию в модернизации экономики. Лауреат многочисленных премий: «Ника», Союза художников, «Литературной газеты», журналов «Литературное обозрение», «Смена», «Декоративное искусство» и других. Посмертно награжден Премией Правительства РФ в области средств массовой информации.

Ред. Даниил Борисович, не связано ли ваше тяготение к правозащитной тематике с тем, что в семье были репрессированные?

Д.Д. Было и это. Расскажу об отце. Он родился в 1914 году, родители умерли от страшного голода в Поволжье. Воспитывался в детдоме, потом получил два образования. Войну прошел всю – от Польши в 1939-м до Праги в 1945-м. Причем не в штабах: он как военный инженер командовал ротой, занимавшейся ремонтом оружия, все время был на передовой. Был ранен и контужен.

В 1947 году отец, будучи главным инженером военной базы в Рязани, уволил одну бездельницу, а она оказалась любовницей начальника 1-го отдела. Вскоре отец стал японским, а заодно и английским шпионом. Это статья 58-10 УК РСФСР, за которую давали или 25 лет, или 10 — через раз. Тут отцу повезло, он получил «десятку» и работал по специальности, его не били урки. Освободился после ссылки в 1957-м, вернули награды и партбилет. Прочитал, какие показания давали на него близкие друзья...

Ред. Как это повлияло на его сознание?

Д.Д. Я думаю, его, как и многих, можно причислить к «детям двоемыслия». Он сам мне говорил, что на работе, в своем строительном управлении, на каждом шагу приходится нарушать закон — иначе дело не сделаешь, и при этом принимал поздравления от всяких партийных шишек. Но он понимал, что изменить это нельзя. Оставалось жить и мечтать о поездке в Болгарию. Честно говоря, и сейчас многие живут таким образом: ни во что не вмешиваться, забывать опасное и неприятное, но чтобы на прилавках было 300 сортов колбасы.

Ред. Как судьба отца повлияла на вас?

Д.Д. Я пришел к выводу, что наша жизнь в своих истинных внутренних формах и взаимодействиях не будет изучаться. Принципы того, как она устроена, — сам «порядок вещей» в России. (Сейчас понятие «культурные коды», но с другим подтекстом, употребляют сотрудники Администрации Президента в записках главе государства.) У нас не будет изучаться «русский мир», российский тип сознания.

В студенчестве я часто ездил из Ленинграда в Таллин и ощущал, что там в головах у людей другая программа жизни. Я поступил в аспирантуру Института социологических исследований Академии наук СССР, которым руководил академик М.Н. Руткевич. Отдел социологии культуры, чем я в первую очередь занимался, был в начале 70-х годов закрыт, а там работали мои замечательные руководители И.С. Кон и С.А. Давыдов. Я перешел к профессору В.А. Ядову, будущему директору Института, и защитил диссертацию о влиянии культуры на личность. Речь шла о поведении в сфере культуры, о том, что люди должны «семафорить» желаемый тип поведения, следить за тем, как нас воспринимают. Задача была разобраться с понятием массовой культуры. Тем не менее были сомнения, что удастся защититься. Меня обвинили в том, что я подпал под буржуазное видение социологии, ведь тогда утверждалось, что у нас в Советском Союзе массовой культуры нет. В итоге я получил семь «черных шаров». Откровенно «против» выступили два члена-корреспондента Академии наук. Но Руткевич был очень доволен, говорил, что это пример настоящей научной дискуссии. С тех пор я всю жизнь занимаюсь социологией культуры.

Ред. А в перестроечное время?

Д.Д. В 1987 году, после V съезда Союза кинематографистов СССР, все пришло в движение. Киношники тогда стали самым настоящим авангардом перемен. На территории Кремля они отказались утвердить руководителей, предложенных Политбюро! Начался пересмотр идеологии, открывались какие-то шлюзы. Меня позвал в журнал «Искусство кино» Алесь Адамович, там я большинством был избран главным редактором. Нашему журналу пошел 86-й год, он один из старейших в Европе. Библиотека Конгресса США пересняла для всего русскоязычного мира наш архив.

Ред. Значит, в то время ваша гражданская позиция совпала с творческой работой?

Д.Д. Мы добивались снятия с полок запрещенных фильмов, в частности таких, как «Комиссар» Александра Аскольдова. Тогда же я стал заниматься системным анализом не только театра, изобразительного искусства, кино, но и телевидения. Пытался доказать, что культура — это не только искусство, это и бизнес, и производство, и международное сотрудничество. Сотрудничество гражданских структур и государственных институтов — это и есть гражданское общество. Не может министр культуры исходить из того, что он отвечает только за художественную культуру. Государство, конечно, важный игрок, но только один из многих. Есть еще творческие сообщества,

бизнесмены, различные фонды, союзы потребителей культуры. Сегодня государству, к сожалению, не нужны так называемые сложные люди. Посмотрите на нынешнее телевидение, все интеллектуальные программы убраны, идут только глубокой ночью.

Позиция

«Российская культура “круче” любой власти. Когда-то она не разрешала Эфроса, Любимова и Тарковского, потому что подозревала в них своего могильщика... Вот и сегодня, позволяя людям тратить свои деньги на помощь другим, она, слава богу, не догадываясь об этом, готовит волонтеров, призванных многое изменить в будущем. Именно они, на мой взгляд, сохранят потенциал нашего развития. Да-да, настоящие обновленцы – те, кто добровольно тушит лесные пожары и помогает смертельно больным детям».

Фрагмент интервью «Новой газете» 21 ноября 2012 года

Ред. А людей, которые в то время занимались правозащитной деятельностью, вы знали, были знакомы с их работой?

Д.Д. Я этих людей знал, встречал на конференциях, видел на телеэкранах. Для большинства людей наш Совет – прежде всего орган защиты обездоленных. Он занимается тюрьмами, острогами, дедовщиной в армии, миграцией, насилием над детьми и проводит с президентом беседы, отправляет ему челобитные по поводу тех людей, чьим правам нанесен ущерб. Я этих правозащитников высоко ценю, одобряю их деятельность, слава богу, что они этим занимались и занимаются. Но я все же был занят другим, и сейчас мне в деятельности Совета ближе всего именно задачи скрытых, обусловленных культурными предписаниями институтов развития гражданского общества.

Ред. Как вы попали в Совет?

Д.Д. Мне позвонил Михаил Александрович Федотов, мы знали друг друга, я его иногда консультировал по вопросам телевидения. Он был в Союзе журналистов председателем Большого Жюри, которое решало спорные вопросы по прессе, а я был ее членом. Михаил Александрович мне сказал, что для работы в Совете нужен культуролог, я согласился войти в его состав. Состав был утвержден президентом Медведевым, с января 2011 года я приступил к работе.

Ред. Каковы основные направления вашей деятельности?

Д.Д. Я стал председателем Комиссии по культурным правам. На мой взгляд, очень важно осознание места медиа, других институтов культуры. Именно они – через свой контент – производят массовые представления людей о жизни. Телевидение, радио, Интернет, художественная культура, школа, семья... Телевидение выполняет сейчас роль церкви в Средневековье: это и религия, и инквизиция, и мораль, и просвещение, и семья.

Документ

«Совет, заслушав на своем специальном заседании доклады и сообщения представителей журналистского сообщества, телеканалов, федеральных органов исполнительной власти, а также экспертов, **констатирует** :

Федеральные телеканалы по-прежнему остаются самыми влиятельными СМИ в стране, однако уровень доверия к ним среди наиболее образованной части населения страны неуклонно снижается. Это является следствием того, что в общенациональном телеэфире доминирует исключительно точка зрения политического большинства, а позиции отдельных социально значимых групп населения фактически не представлены. Подобная тактика не способствует сопоставлению различных точек зрения и выработке общественного консенсуса. Без плюрализма, в том числе информационного, невозможна консолидация общества в демократическом правовом государстве.

Ни федеральные, ни региональные власти ничего не предпринимают для реализации провозглашенного в начале 2000-х годов и подтвержденного в 2011 году курса на постепенное разгосударствление своих гигантских медийных активов. Напротив, роль государства в формировании телевизионной стратегии каналов постоянно растет.

На федеральных телеканалах фактически действует скрытая цензура в освещении политических, социальных и экономических проблем («темники», «стоп-листы» и т.п.), что идеологически прикрывается тезисом «Кто платит, тот и заказывает музыку». Журналисты и продюсеры, пытающиеся найти оправдание своей независимой позиции ссылками на общественные интересы, оказываются на улице.

Доминирование государства на телевизионном рынке не дает адекватной картины разнообразия современного российского общества.

Наблюдается неуклонное – под предлогом защиты государственных интересов – сокращение частотных, рекламных и иных ресурсов негосударственных телеканалов, стремящихся сохранить независимую редакционную политику. Создавая максимально некомфортные условия таким телеканалам для получения дохода, власти, с одной стороны, навязывают им зависимость от государства, а с другой – подрывают принципы добросовестной конкуренции. Программа перехода на цифровое вещание могла бы стать эффективным средством обеспечения информационного плюрализма, но только при условии отказа от политики сохранения и, тем более, расширения государственного присутствия при формировании мультиплексов.

Затянувшийся процесс создания федерального общественного телеканала наглядно демонстрирует органические недостатки избранной для реализации модели: отсутствие всеобщего доступа к телеканалу, отсутствие у него экономической и редакционной независимости, отсутствие реальной интеграции общественности в его деятельность, отсутствие транспарентности его органов управления.

В этой связи Совет считает необходимым рекомендовать :

- законодательно ограничить концентрацию электронных СМИ в руках государственных и муниципальных органов власти;
- пригласить Совет по общественному телевидению и Наблюдательный совет Общественного телевидения России к большей открытости своей работы с тем, чтобы налогоплательщики страны имели исчерпывающую информацию о том, на что тратятся их деньги, выделенные на создание общественного телевидения;
- разработать и законодательно закрепить механизм перераспределения доходов от рекламы с целью поддержки плюрализма в телевизионном эфире;

- пригласить руководителей государственных телеканалов к выработке прозрачных механизмов создания и функционирования общественных попечительских советов, предусмотренных Указом Президента РФ от 20.03.1993 № 337 «Об информационной стабильности и требованиях к телерадиовещанию»;
- разработать и законодательно закрепить механизмы государственно-общественного финансирования дискуссионных общественно-политических передач на федеральных телеканалах;
- разработать и законодательно закрепить механизм прозрачных тендеров на получение государственных грантов на освещение конкретных общественно значимых проблем с одновременным разыгрыванием эфирного времени;
- разработать, принять и обнародовать этические кодексы, обязательные для всех сотрудников государственных телеканалов;
- пригласить руководство Общественного телевидения России к постоянному сотрудничеству с Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека с тем, чтобы создаваемый институт занял подобающее ему место в системе гражданского общества страны».

Из Рекомендаций Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по итогам специального заседания на тему «Плюрализм современного телевидения и гражданское самосознание», 18 февраля 2013 г.

Ред. Как все это было формализовано?

Д.Д. Важный результат моей работы: вместе с Михаилом Александровичем мы разрабатывали концепцию Общественного телевидения России, и мне выпала честь быть докладчиком, когда этот проект утверждался. Присутствовали Иванов, Володин, Громов, Сурков. Возникла дискуссия о том, как формировать Попечительский совет. Президент Медведев предложил делать это по квотам, а я выдвинул репутационный критерий. Ну что нужно прибавлять, когда произносится имя доктора Рошаля или Чулпан Хаматовой? Президент тогда доброжелательно улыбнулся. Правда, предложение это не прошло.

Мы организовали крупные дискуссии о роли СМИ в современном обществе. Мы все знаем, что мы перешли в информационное общество примерно 25–30 лет назад. Информационное общество невероятно удобно в этом смысле, потому что оно гуманистично. Не надо использовать реальное насилие. Не надо больше, как с 1930 по 1932 год, убивать 8 миллионов человек голодом для того, чтобы провести коллективизацию. Сегодня этого не надо. Все сделает информационное общество.

Никто 15 месяцев назад не знал, что одним из самых в публичном пространстве повторяемых слов будет слово “фашизм”... Исчезла величайшая советская ценность, вообще испарилось. Ценность “лишь бы не было войны” – сегодня этой ценности нет. Язык фиксирует неформальные практики, особенно в такой сложной культуре, как русская культура, основанной на русском языке. Вы же знаете все эти слова, которые год назад были невозможны: “национал-фашисты”, “либерал-фашисты”, “иностранные агенты”, “фашистские свиньи” в Киеве. Это все с экрана первых каналов нашей страны. Это очень опасно.

У радикализации много негативных последствий. Но я хочу обратить внимание на одно: двукратный рост плохих ожиданий для самих граждан, для экономики и для политической жизни России в целом, несмотря на единство страны. Это парадокс, и это какое-то двоемыслие... Если люди считают, что в их собственной жизни, в жизни их страны, в жизни их детей, в жизни их политиков, в жизни их руководителей все будет хуже, чем сейчас, то это, по-моему, безмерно опасно. Я думаю,

что мы все должны объединиться и вместе с государством, властью, институтами, связанными с производством смыслов, для того, чтобы этого не допустить.

Я несколько раз выступал на встречах Совета с президентом по этим вопросам. Говорил, что механизм рейтинга отрицательно скажется на общественном сознании, экономике, социальных отношениях, морали. Высокий рейтинг обеспечивает демонстрация насилия. Президент устроил дискуссию. Большинство со мной не соглашалось, а он меня защищал, сказал, что тут надо подумать, что действительно нельзя показывать полторы тысячи убийств в неделю. Я предъявлял статистику, замеры, экспертные выкладки – как социолог. Ведь тут встает опасная тема госконтроля, идет вымывание независимых точек зрения. На ТВ нет сейчас мировоззренческих альтернатив, нет сложных тем, ничего не говорится о морали. В Интернете большая проблема – защита интеллектуальной собственности. В результате трех заседаний Совета при активном участии Михаила Федотова мы выдвинули инициативы по этому вопросу. Сейчас они в работе.

Ред. 25 июня 2014 года вы выступали на совместном заседании вашего Совета с Советом при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству. Заседание было посвящено обсуждению проекта Основ государственной культурной политики. В чем вы старались убедить коллег?

Д.Д. Я говорил о том, что у нас культурой принято гордиться, употреблять это понятие в разных контекстах, восхищаться отечественными гениями, памятниками, театрами, музеями, их мировым признанием. Но, по сути, понимание культуры обычно сводят к трем видам человеческих практик: к просвещению и воспитанию, к идеологии и пропаганде, а чаще всего – к созданию и употреблению в свободное время специфических произведений, благ и услуг, к нашему пребыванию в созданной авторами так называемой второй реальности или, еще хуже, к поднадзорному Минкультуре пространству. В сущности, к чему-то отдельному от так называемой большой жизни – от экономики, от социальных международных отношений, от политики, от проблем безопасности, семьи, здравоохранения. Об этом говорится всегда отдельно, без каких-либо контекстов и привязок к культуре, а потом – о культуре, если о ней вспоминать.

Вот и в проекте «Основ государственной культурной политики» декларируется важнейшая общественная миссия культуры как инструмента передачи новым поколениям свода нравственных ценностей, способности к гражданскому единству, определению и достижению общих целей развития, но затем постепенно стратегические задачи культурной политики привычно ограничиваются сохранением наследия, защитой русского языка, созданием цифровых архивов, развитием национальных культур, повышением запросов зрителей, слушателей и читателей, особенно молодежи. Арсенал перечисленных проблем, как говорится, до боли знаком еще со времен позднего Брежнева. И, что очень важно, во всех случаях, во всех контекстах это понимание, интерпретация, размышление остаются в рамках самостоятельной, отдельной, независимой – или зависимой в каких-то теоретических обоснованиях – сферы человеческой жизни.

В проекте косвенно говорится о культуре как определяющем средстве совершенствования общества, в силу способностей человека выраженном в типах и формах организации людей, упоминается и о человеческом капитале, способе и правилах национальной жизни, живом процессе повседневного ежесекундного программирования культуры. Но, к сожалению, никто не будет ассоциировать с культурой, к примеру, трудности построения в России несырьевой экономики, или зафиксированное социологами в октябре 2013 года отторжение большинством населения рынка и частной собственности. Или такое важнейшее, влияющее на все сферы жизни (от семейных отношений до оснований финансовой деятельности и инвестирования в Россию) явление, как недоверие всех ко всем.

Ред. Можно подробнее?

Д.Д. По данным 2013 года, более 71% граждан «не доверяют» другим людям, а 59% наших граждан не доверяют никому, кроме собственной семьи. Это ужасающая культурная деталь, фиксация культурного положения вещей. Обыск в 4 часа утра или отсутствие мест для отдыха обвиняемых во

время перерыва в судах — это тоже культурные нормы, напрямую влияющие и на объемы приходящих в страну инвестиций, и на вывод капитала из нее. Дело в том, что у нас нет заказа на подобные измерения, исследования — нет потребности в них, и кажется иногда, что они чуть ли не табуированы. Будто сама культура не подпускает нас к своим секретам, иначе чем объяснить тотальное отсутствие аналитики главного института в производстве и потреблении культуры в постиндустриальном мире — телевидения? А ведь мы специально одно из заседаний именно этому посвящали, и именно сегодня телевидение изготавливает представление людей о смыслах жизни, целях их существования, и, кроме того, что оно является первым среди пятисот занятий всех сфер нашей жизни, на него население Российской Федерации тратит в шесть раз больше времени, чем на все виды художественной культуры вместе взятые.

У нас нет публичных площадок, навыков, желания изучать ментальные, моральные, мировоззренческие системы и коды, образцы поведения (так называемые паттерны всевозможных социальных действий) и так далее — все то, что невидимым образом передается из века в век, из XVI — в XXI: ни наследие Византии, ни двоемыслие, ни авторитарный тип правления, ни личные связи и блат как компенсация того самого недоверия, которое мы все знаем и видим (и социологи это фиксируют), ни поистине средневековые страхи в отношениях с Западом. Культурная политика понимается узко, в сущности, как сопоставимая со спортом и инвестицией в национальные, действительно очень важные культурные бренды: Большой, Мариинский, Пушкинский, Эрмитаж, Год культуры, защита русского языка.

Ред. То есть, именно культура определяет развитие страны?

Д.Д. Россия — известная «страна слов». Зафиксируем это. Мы знаем, что после мая 2013 года из отечественного словаря исчезли такие выражения, как, например, «модернизация», «инновации», «реформы». Появились «духовные скрепы», «подавляющее большинство граждан», «в пьесах можно усмотреть». А ведь это указатели оценок, понимания, так сказать, обозначения колеи предпочтений. Некоторые такие объяснения происходящего в противоречивом, достаточно противоречивом — судя по многим качественным исследованиям — пространстве нашей жизни и его понимании большим социальным сообществом.

Но и эти определения не позволяют ответить на многие вопросы: например, не связано ли наше лидерство в Европе по подростковому суициду (мы тут абсолютные «чемпионы» Европы, причем, по некоторым оценкам — многократные) с необеспеченностью, скажем, детей в возрасте 11–17 лет жизнеспособными моделями будущего, культурными образцами реакций на вызовы реальности, с которыми они сталкиваются и в семье их не получают, в телевизоре тоже ... не получают, на улице и в подростковой среде — тоже.

У нас нет дискуссии о культурных факторах, например о тоже беспрецедентном количестве разводов, аборт, об употреблении наркотиков, смертях на дорогах, неполных (нуклеарных) семьях и тому подобном. Это не обсуждается, это не связано с культурой, это как бы само по себе, это какое-то пространство правоохранительных органов, правительственных учреждений, каких-то специально ответственных за это госструктур. Не обсуждается природа сохранения, например, мобилизационного сознания с его психологией охраны границ, выявления врагов, жертвенности, запретов, формирования принципов патриотизма именно в *военное*, но не в мирное время. Это видно по количеству заказанных фильмов: они почти наполовину о войне. А почему о войне?

Нет оценки того, почему, по данным социологов, ради порядка и стабильности (это совершенно новое явление) наши соотечественники сегодня готовы пожертвовать свободой или считают неправильным критиковать государство — неправильным, непатриотичным, оскорбляющим нацию. Это серьезные вопросы, которые определяют очень многие сферы деятельности, решения политиков, восприятие большими социальными группами.

Возьмем, казалось бы, чисто экономический показатель, такой, который в культуре и произносить как-то неловко, — производительность труда: в нашей стране она в три раза ниже, чем в Германии и Франции, и в 3,5 раза ниже, чем в США и Норвегии. Но ведь мы понимаем: это обстоятельство

обусловлено многими сотнями факторов — далеко не только уровнем развития технологий, изношенностью каких-то производств или уровнем их организации. Во многом это результат и качество таких вещей, как солидарность, кооперация, сотрудничество, межличностное доверие, открытость к изменениям.

Ред. Это можно подтвердить социологическими замерами?

Д.Д. Безусловно. Вот, я только что получил последние данные международных исследований (их проводит Институт социологии Академии наук в 30 странах совместно с организациями этих 30 стран): мы на последнем месте в мире по так называемому критерию открытости к изменениям — российские граждане не открыты к изменениям, они готовы сохранить и законсервировать уже существующее, это очень важный культурный синдром, фактор, который на многое влияет.

Или, например, влияет ли культура на степень прозрачности и достоверности используемой информации о происходящем: каждый прекрасно понимает, что главным творцом в нашей стране конечно же является главный бухгалтер любого предприятия, и это приводит к тому, что, по официальным данным Росстата, у нас 25% экономики в тени, а Всемирный банк считает, что до 40%. И это все тоже удобные предписания.

Мне представляется, что культурная политика связана не только с доказательством необходимости «увеличить финансирование соответствующих учреждений», «развивать способность людей к эстетическому восприятию мира, их стремление проявлять добросердечие и целомудрие» — это все цитаты из обсуждаемого документа. По сути, культурная политика связана со способностью государства и общества в значительной степени *перезагрузить* программы как самих приоритетов, так и понимания культуры, как чрезвычайно системной, всепроникающей формы человеческих практик, которая программирует все действия, а не только является — хотя это важнейшая функция — передачей опыта поколений.

Ред. Вы считаете, что именно через продвижение культуры можно обеспечить развитие гражданского общества и защиту прав человека в России?

Д.Д. Налицо опасный ценностный синдром, который сегодня исповедуют 60% городского населения страны — шестьдесят! — и здесь тенденция: чем больше город, тем более ксенофобные, тем менее толерантные. Что это значит, что в связи с этим делается, какие сериалы заказываются, какие программы существуют, какие деньги отпускаются?.. Готовы ли мы заниматься проектированием мировоззренческих картин мира, отвечающих новым вызовам времени, в частности, например, участвовать в международном разделении труда? Сегодня существуют чрезвычайно сложные экономические цепочки, которые связывают множество стран, для того чтобы на деньги одних стран, технологии других стран, рабочих пятых стран продавать в оставшиеся сто стран мира — это другая философия, это другие культурные предписания, это другое поведение, это другое воспитание в школах, это другой разговор на улицах и так далее.

Понимаем ли мы то, чего, в общем, по существу, сегодня очень мало или почти нет, — способы противостояния государства и гражданского общества и механизмы коммерциализации культуры? Все об этом говорят, какие-то денюжки отпускаются, какие-то фонды что-то делают, но на самом деле серьезного противостояния и понимания, что культура не измеряется количеством, нет. Это невероятно важная мысль о том, что у культуры совершенно другие, *не экономические* в простом смысле слова измерительные процедуры и показатели.

Научились ли мы осознавать, что именно культура обеспечивает или не обеспечивает *основной* тип конкуренции будущего, и, естественно, это конкуренция за качество личности: не за территории, не за энергоресурсы, не за охрану границ, не за военную мощь и количество атомных подводных лодок, а за качество вот этого самого человеческого капитала. Экономисты привыкли рассматривать его так, как будто бы люди — работающие, производящие и получающие какие-то блага, услуги и так далее — неживые. Такие слова, как сложность личности, самостоятельность, креативность, вы никогда у них не найдете.

Мне представляется, что без перезагрузки, в том числе и гражданского общества, ничего не получится: важно понять, почему люди, с одной стороны, например, не доверяют государству, а с другой стороны, только на него и надеются и жаждут патернализма и всех видов защиты своих личных практик. Чем объяснить идущее из глубины веков недоверие и неуважение к «частному человеку», к зонам приватности, к этому типу пространства? Можно ли изменить причину, по которой существенное уменьшение прав и свобод в последнее время нацией воспринимается достаточно анемично?

Ред. А как это сказывается на работе Совета?

Д.Д. Мы в нашем Совете постоянно перетягиваем канат с разными государственными ведомствами по поводу ущемления, например, прав человека, но, в сущности, очень мало занимались общими проблемами. Кажется, что это не наше, когда есть конкретные драмы, проблемы, законы, неувязки, связанные с защитой этих прав, то есть прав человека. Ни разу не обсуждалась природа положения вещей: как государство относится, например, к гражданскому обществу, не символическим и не симуляционным ли является бесконечное количество общественных советов, задача которых – провести в жизнь решения Росстата? Как это все устроено – как понимается человек на фоне того, что можно кого-то спасти, помочь? Поэтому наш Совет по развитию гражданского общества и правам человека этим редко занимаются. Даже когда пресса пытается кратко обозначить, например, нашу структуру, всегда речь идет только о правах человека. А все права человека зависят от культуры, этих самых предписаний, матриц, кодов, от этих *жестких*, чрезвычайно жестких запретов: что можно, а что нельзя, как мы будем жить.

Многое определяется тем, как люди у власти – от высокопоставленных экспертов до конкретно Силуанова, Шувалова, Медведева – понимают культуру. Экономисты и юристы всегда понимают ее только в узком смысле, и ничто в их жизни не ставит под сомнение такое видение культуры. Мы можем проводить Год культуры, потом Год литературы, Год театров, Год кино или музеев. Где-то удастся провести разовое заседание Госсовета, где-то удастся добыть немного денег, принять закон, что-то отремонтировать, но существенных изменений реальной государственной культурной политики, по моему мнению, к сожалению, без системного пересмотра (к которому, мне кажется, никто из нас, в сущности, не готов) не получится.

Документ

«Наличие независимых от государства плюралистичных и высоко профессиональных СМИ, реально обеспечивающих развитие гражданского общества, является одной из важнейших гарантий информационной безопасности России, тогда как продолжающееся вытеснение достоверной, разнообразной (по источникам, позициям, формам представления) и сбалансированной информации односторонней, не отвечающей журналистским стандартам пропагандой ведет к отмиранию социальной коммуникации по важнейшим темам внутренней и внешней политики, к повышению градуса агрессии, расцвету идей насилия, национализма и экстремизма.

Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека выражает крайнюю озабоченность в связи с многочисленными фактами, складывающимися в общую картину наступления на профессиональную и качественную журналистику гражданского общества – от безудержного повышения подписных тарифов на газеты и журналы до административного преследования имеющих собственное мнение интернет-СМИ, организации кампаний травли отдельных журналистов.

Практика государственной поддержки СМИ на федеральном и, в особенности, на региональном уровне привела к переманиванию профессиональных журналистов в сферы пропаганды и пиара, а действующие механизмы «договоров об информационном обслуживании» все больше превращают содержимое СМИ в сплошную осанну соответствующему мэру или губернатору – вне зависимости от

их реальных заслуг перед населением. Отсутствие реального контроля со стороны общества за формированием и использованием госбюджетов всех уровней приводит к тому, что и в регионах, и в министерствах и ведомствах все больше и все менее эффективно расходуются бюджетные средства, выделяемые на так называемые «формирование имиджа» власти, «информирование о деятельности» органов управления и т.п.

<...>

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, полагая свободу массовой информации одним из важнейших устоев демократического правового государства и опираясь на Конституцию и законы страны, считает необходимым поддержать журналистику гражданского общества и честные, профессиональные, законно действующие и этически мотивированные СМИ вне зависимости от формы собственности, направленности редакционной политики и эстетических привязанностей.

В этой связи Совет считает необходимым рекомендовать:

1. Вернуться к вопросу о законодательном закреплении мер государственной поддержки СМИ, используя положительный опыт применения Федерального закона от 01.12.1995 г. № 191-ФЗ «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания в Российской Федерации» и Федерального закона от 24.11.1995 г. № 177-ФЗ «Об экономической поддержке районных (городских) газет».

<...>

4. Просить Верховный Суд Российской Федерации продолжить работу над совершенствованием судебной практики применения Закона РФ «О средствах массовой информации» с учетом изменений в законодательстве и развития интернет-технологий. Добротную концептуальную основу для работы на этом направлении составляют принятые в последние годы постановления Пленума Верховного Суда РФ (2005, 2010 гг.), а также прецедентное по сути определение Судебной коллегии по административным делам от 19.03.2014 г. по делу о прекращении деятельности ИА «Росбалт», в котором отмечается, что «неоднократные нарушения закона в совокупности должны быть столь существенными, чтобы позволить суду – с учетом всех обстоятельств дела, включая оценку характера допущенных средством массовой информации нарушений и вызванных им последствий, – принять решение о прекращении деятельности данного средства массовой информации в качестве меры, необходимой для защиты прав и законных интересов других лиц».

Целесообразно также обобщить и проанализировать судебную практику по уголовным делам, связанным с профессиональной деятельностью журналистов (в частности, о клевете, оскорблении представителя власти и т.д.).

Нуждается в правовой позиции высшей судебной инстанции и вопрос о правомерности блокировки сайтов без объяснения причин и предоставления возможности исправить нарушение, а также блокировки сайтов по IP-адресу, когда в результате действий провайдера по выполнению предписаний Роскомнадзора прекращается доступ пользователей не только к интернет-страницам, содержащим противоправный контент, но и к другим информационным ресурсам, что наносит ущерб правам граждан и законным интересам юридических лиц...

7. Обратить внимание руководства АНО «Общественное телевидение России» на необходимость пересмотреть организацию работы телеканала.

Во-первых, все заседания Совета по общественному телевидению, как и Наблюдательного совета, целесообразно проводить открыто, гласно, с прямой видеотрансляцией в сети Интернет на сайте ОТР.

Во-вторых, значительно больше должно стать передач в формате «прямого эфира» с участием внештатных корреспондентов, выходящих к зрителю

непосредственно из регионов с использованием обычных средств видеосвязи. Помимо прочего, это позволит резко сократить расходы телеканала на приобретение чужого контента, сконцентрировав имеющиеся финансовые и творческие ресурсы на создании собственного продукта.

В-третьих, главное место в программной политике телеканала ОТР должно занять попечение развития гражданского общества, прежде всего, на региональном и муниципальном уровнях. Телеканал призван не только освещать те или иные инициативы, рождающиеся в недрах гражданского общества, но и активно в них участвовать.

В-четвертых, значительно большее внимание должно быть уделено продвижению ценностей добрососедства, социальной солидарности, помощи детям, инвалидам и всем, кто в этом нуждается, межнационального и межконфессионального мира и взаимопонимания, защиты природы и т.д.

В-пятых, было бы полезно, чтобы журналистский коллектив ОТР выработал, а затем вынес на обсуждение своей аудитории, утвердил и принял к неукоснительному исполнению Кодекс профессионального поведения журналистов ОТР. Подобная практика существует во всех организациях общественного вещания.

В-шестых, целесообразно учредить в ОТР должность ньюс-омбудсмана, в обязанности которого входит защита интересов аудитории и рассмотрение жалоб зрителей, касающихся содержания телеканала.

В-седьмых, необходимо радикально усовершенствовать механизмы сбора добровольных пожертвований на «Общественное телевидение России», используя для этого современные информационно-коммуникационные технологии, проводя телемарафоны, организуя платные интернет-экскурсии на телеканал и т.д...

Из Рекомендаций Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по итогам специального заседания на тему «Медиа гражданского общества: трудности становления», 4 марта 2014 г.

Ред. В Совете время от времени возникают, если не кризисы, то очевидные расколы. Как с этим удается справляться?

Д.Д. Я занимаюсь, думаю, еще одним весьма важным делом – сохранением Совета, его «внутренней безопасностью». Нас было пять человек, председателей комиссий, которые протестовали против выборов Совета по Интернету – Людмила Алексеева, Сергей Кривенко, Кирилл Кабанов, Сергей Воробьев и я. Мы ходили к Вячеславу Володину, первому заместителю руководителя Администрации Президента, к Павлу Зеньковичу – в то время начальнику Управления Президента по общественным проектам, по сути, нашему куратору. Мы сохранили репутационный ресурс. Большинство членов Совета – репутационно признанные люди. Разные люди. Николай Сванидзе, Леонид Парфёнов, Елена Масюк на заседаниях сидят у нас рядом, например, с Максимом Шевченко... Очень важно привлекать репутационно безупречных людей, таких как Игорь Юргенс, Сергей Пашин, Тамара Морщакова.

За вторую половину мая 2012 года, после инаугурации президента, из 38 человек Совет покинули 13. Федотов заявил, что, если дойдет до 20, он подаст в отставку. Я пытался сделать все, что в моих силах, чтобы сохранить СПЧ. И он жив и здоров.

Внутренний кризис был и в марте 2014-го в связи с ситуацией на Украине: тоже коса находила на камень, спорили, какое принимать решение. В итоге пришли к тому, чтобы работал универсальный принцип принятия решений: 50% плюс один голос. Я был одним из тех, кто это отстаивал.

Считаю, что Совет значит в нашем обществе намного больше, чем Общественная палата: ее деятельность больше имитационная, она не является независимой и как-то «расплылась». Наш авторитет выше, нас чаще цитируют серьезные газеты – «Коммерсант», «Ведомости» и другие. Мы выступали по всем резонансным делам: Магнитского, «Pussy Riot», Ходорковского... Во многом они стали известны стране и миру благодаря заявлениям Совета. Совет – единственная структура, которая может быть не согласна с линией президента. Я считаю, что имиджевая репутация Совета чрезвычайно важна.

При президенте порядка 16 советов. Вы много об их деятельности слышали? Я состоял в Совете по культуре и искусству. Он собирался в основном для присуждения государственных премий. Наш Совет – уникальный, он занят своим прямым делом и благодаря авторитету немало добивается. Я наблюдаю президента Путина с 2003 года. Мне кажется, что он уважает и ценит Совет по правам человека. Каждая наша встреча с президентом длится в два раза дольше запланированного: это о чем-то говорит. Да и стиль общения особенный. «Ирочка, ну дайте же мне что-то сказать!» – это он во время заседаний так обращается к Хакамаде. Ну где еще он будет так говорить?!